

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин

Некоторые конкретные мысли Н.Н.Князева, человека и гражданина

1. «О ГОСУДАРСТВЕ»

В райгородок Н. приехали эти, которые по вертикальной стене на мотоциклах ездят. На бывшей базарной площади соорудили большой балаган из щитов и брезента, и пошла там трескотня с паузами; над площадью целыми днями висела синяя дымка и остро пахло бензином. Трескотня начиналась в 11 часов и заканчивалась в 19. По стене гоняли супруги Кайгородовы – так гласила афиша.

Кайгородовы остановились в здешней гостинице.

Как-то вечером к ним в дверь постучали.

Кайгородов, лежа на кровати, читал газету, жена его, рослая, круглолицая спортсменка, гладила платье.

– Да, – сказал Кайгородов. Отложил газету, сел, подобрал дальше под кровать босые ноги. – Войдите!

Вошел невысокий человек лет сорока пяти, голубоглазый, в галстук, усмешливый, чуть нахальный.

– Здравствуйте! – сказал человек весело. – Разрешите познакомиться: Князев. Николай Николаич. Вас я знаю: наблюдал вашу работу.

Кайгородов, крепкий красивый мужик, пожал руку гостя. Тот слегка тоже пожал руку хозяина и поклонился Кайгородовой.

– Садитесь, – пригласил Кайгородов.

– Спасибо, – Князев сел и оглядел жилище спортсменов. – А номерок-то... не очень. А?

Кайгородов пожал плечами.

– Ничего. Временно же...

– Я, собственно, вот чего: хотел пригласить вас к себе домой, – сказал Князев. И вопросительно посмотрел сперва на Кайгородову, потом на Кайгородова.

– Зачем? – спросил прямодушный Кайгородов.

– Да так – в гости. Попьем чайку... – Князев смотрел на хозяев весело и бесцеремонно. – Я здесь близко живу. Иконами интересуетесь?

– Иконами?... Нет. А что?

– У моей тетки есть редкие иконы. Она, конечно, трясется над ними, но когда приезжают знающие люди – показывает. Кроме того, если ей поднести стаканчик водки, – тоже покажет.

– Нет, не интересуемся.

– Ну, просто так пойдете.

– Да зачем? – все не понимал хозяин.

– В гости, боже мой! – воскликнул Князев. – Что тут такого?

Жена Кайгородова посмотрела на мужа... Тот тоже глянул на нее. Они ничего не понимали.

– Ну? – продолжал Князев. – Чего переглядываться-то? Я же не приглашаю вас на

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
троих сообразить.

– Слушайте, – перебил Кайгородов, человек прямой и несдержанный, – я не понимаю, чего вам надо?

– Тю-тю-тю, – с улыбкой, мирно сказал Князев. – Сразу – обида. Зачем же обижаться-то? Я просто приглашаю вас в гости. Что тут обидного?

– Да я не обижаюсь... – спортсмен несколько смутился. – Но с другой стороны... я не пойму...

– А я объясняю: пойдите ко мне в гости, – опять мирно, терпеливо пояснил Князев. – И будет как раз с той стороны, с какой...

– Не пойду, – отчетливо, тоже изо всех сил спокойно сказал Кайгородов. Он опять обозлился. Обозлило вконец это нахальное спокойствие гостя, его какая-то противная веселость. – Вам ясно? Не пойду. Не хочу пить чай.

Князев от души засмеялся.

– Да почему?!

Кайгородов почувствовал себя в дураках. Ноздри его крупного красивого носа запрыгали.

– Гриша, – сказала жена предостерегающе.

Кайгородов встал... Пристально глядя на гостя, нашел под кроватью – ногой – тапочки, надел их и пошел к выходу.

– Пойдемте, – велел он Князеву тихо, но решительно.

– Гриша! – опять сказала жена.

– Все в порядке, – обернулся с порога Кайгородов. – Чего? – и требовательно посмотрел на сидящего Князева. И еще раз сказал: – Пойдемте.

– Куда? – спросил Князев.

– В коридор. Там объясните мне: чего вам надо.

– Да я здесь объясню, зачем в коридор-то? – похоже, гость струсил, потому что оставил веселость. И говорил теперь, обращаясь больше к хозяйке. – Вы не подумайте, ради бога, что я чего-нибудь тут... преследую, просто захотелось поговорить с приезжими людьми. К нам ведь не часто жалуют. Почему вы обиделись-то? – и Князев просто, кротко посмотрел на хозяина. – Я вовсе не хотел вас обидеть. Извините, если уж вам так не по нутру мое приглашение... – Князев встал со стула, – как умел, так и пригласил.

Кайгородову опять неловко стало за свою несдержанность. Он вернулся от двери, сел на кровать. Хмурился и не глядел на гостя.

– Гриша, – заговорила жена, – ты ведь свободен... Я-то не могу, – сказала она гостю, – мы завтра уезжаем, надо подготовиться...

– Я знаю, что вы завтра уезжаете, поэтому и пришел, – сказал Князев. – Вы уж извините, что так нескладно вышло... Хотел, как лучше. Вас, наверно, покорило, что я хихикать стал? – повернулся он к Кайгородову. – Это я от смущения. Все же вы люди... заметные.

– Да ну, чего тут!.. – сказал Кайгородов. И посмотрел на жену. – Можно сходить, вообще-то...

– Сходи. А я буду собираться пока.

– Пойдемте! – подхватил Князев. – Посмотрите как живут провинциалы... Все равно ведь так лежите.

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Кайгородов, совсем уже было собравшийся с духом, опять заколебался.
Вопросительно посмотрел на Князева, Князев поглядел на него опять весело и с каким-то необъяснимым нахальством. Это изумляло Кайгородова.

– Пойдемте, – решительно сказал он. И встал.

– Ну вот, – с облегчением, как бы сам себе молвил Князев. – А то – в коридор...

Кайгородову теперь уже даже хотелось поскорей выйти отсюда с Князевым – понять, наконец, что это за человек и чего он хочет. Что тут что-то неспроста, он не сомневался, но ему стало любопытно, и он был достаточно сильный и смелый человек, чтобы надеяться на себя. Зато теперь жена явно обеспокоилась.

– А может быть, лучше... – начала было она, но муж не дал ей договорить:

– Я скоро, Галя.

– Мы быстро, – сказал и Князев.

Всякое смущение у Кайгородова прошло. Он скоренько оделся, и они вышли с Князевым из номера. На прощание Князев слегка опять поклонился Кайгородовой и сказал:

– Спокойной ночи.

На дворе уже стемнело. На улицах городка совсем почти не было освещения, только возле гостиницы, у подъезда, лежал на земле светлый круг, а дальше было темно и тревожно.

– Вон там вон мой дом, – сказал Князев. – Метров триста. Когда вышли из светлого круга и ступили в темень, Кайгородов остановился прикурить.

– Ну, так в чем дело? – спросил он, когда прикурил. Он не видел лица Князева, но чувствовал его веселый, нахальный взгляд, поэтому говорил прямо и жестко.

– Вас как по батюшке-то? – спросил Князев.

– Что надо, я спрашиваю?

Они стояли друг против друга.

– Господи! – насмешливо сказал Князев. – Да вы что, испугались, что ли?

– Что надо?! – в третий раз спросил Кайгородов строго. – Я знаешь, всяких этих штук не люблю...

– Тьфу! – горько и по правде изумился Князев. – Да вы что?! Ну, спортсмены... На чай приглашаю, в гости! Вот мой дом – рукой подать. У меня жена дома, дети, двое... Тетка в боковой комнате. Ну, дают спортсмены. Вы что?

– А что это за манера такая... странная? – сказал Кайгородов. – Хаханьки какие-то...

– Манера-то? – Князев хмыкнул. – Заметил!.. – и он двинулся в темноту. Кайгородов пошел следом. – Манера, которая вырабатывается от постоянного общения с человеческой глупостью и тупостью. Вот побьешься-побьешься об нее лбом – и начнешь хихикать, – Князев говорил серьезно, негромко, с грустью. – Сперва, знаете, кричать хочется, ругаться, а потом уж – смешно.

Кайгородов не знал, что говорить. Да и говорить сейчас было бы крайне неудобно: он продвигался наугад, несколько раз наткнулся на Князева. Тот протягивал назад руку и говорил:

– Осторожно.

– Темно, как...

– Про Спинозу что-нибудь слышали? – спросил Князев.

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Слышал... Мыслитель такой был?

– Мыслитель, совершенно верно. философ. Приехал он однажды в один городок, остановился у каких-то людей... Целыми днями сидит, что-то пишет. А ведь простые люди, они как? – сразу на смех: глядите, мол, ничего человек не делает, только пишет. Что остается делать Спинозе?

– Вы спрашиваете, что ли?

– Спрашиваю. Что делать мыслителю?

– Что делать?.. Что он и делал – писать.

Князев помолчал... Потом сказал грустно:

– Это – легко сказать... спустя триста лет. А он был живой человек, его всякие эти... штуки, как вы говорите, тоже из себя выводили. Вот и мой дом, – сказал Князев. – Я хочу только предупредить... – князев остановился перед воротцами. – Жена у меня... как бы это поточное – не сильно приветливая. Вы все поймете. Главное, не обращайтесь внимания, если она будет чего-нибудь... недовольство проявлять, например.

Кайгородов очень жалел, что пошел черт знает куда и с кем.

– Может, не ходить? – если она недовольство проявляет.

Князев – слышно было – тихо заругался матом.

– А что делал Спиноза? Вы же сами сказали! Смелей, спортсмен! Пусть нас осудят потом – если исторически окажутся умней нас, – Князев – чувствовалось – намеренно вызывал в себе некую непреклонность, которую он ослабил на время общения с незнакомыми людьми. – Не бойтесь.

– Да ничего я не боюсь! – раздраженно сказал Кайгородов. – Но поперся с вами зря, это уж точно.

– Как сказать, как сказать, – молвил Князев, открывая сеничную дверь. – Тут осторожней – головой можно удариться.

В большой светлой комнате, куда вошли, бросалось в глаза много телевизоров. Они стояли везде: на столе, на стульях... Потом Кайгородов увидел сухощавую женщину в кути у печки, она чистила картошку. Кайгородова поразили ее глаза: враждебно-вопросительные, умные, но сердитые.

– Здравствуйте, – сказал Кайгородов, наткнувшись на сердитый взгляд женщины.

– Это товарищ из госцирка, – пояснил Князев. – Приготовь нам чайку. А мы пока побеседуем... Проходите сюда, товарищ Кайгородов.

Они прошли в горницу – тоже большая комната, очень много книг, большой письменный стол и тоже полно телевизоров.

– Почему столько телевизоров-то? – спросил Кайгородов.

– Ремонтирую, – сказал Князев, сразу подсаживаясь к столу и извлекая из ящика какие-то бумаги. – Спиноза стекла шлифовал, а я вот... паяю, тем самым зарабатываю на хлеб насущный. А мастерская у нас маленькая, поэтому приходится домой брать, – он достал бумаги – несколько общих тетрадей, – посмотрел на них. Он не улыбался, он был озабочен, как-то привычно озабочен, покорно. – Садитесь, пожалуйста. Чаю, возможно, не будет... Может, и будет, если совесть проснется. Но дело не в этом. Садитесь, я не люблю, когда стоят, – Князев говорил так, как если бы говорил и делал это же самое много раз уже – торопился, не интересовался, как воспримут его слова. Весь он был поглощен тетрадями, которые держал в руках. – Здесь, – продолжал он и качнул тетради, – труд многих лет. Я вас очень прошу... – Князев посмотрел на Кайгородова, и глаза его... в глазах его стояла серьезная мольба и тревога. – Это размышления о государстве.

– О государстве? – невольно переспросил Кайгородов.

Князев пропустил мимо ушей его удивление.

– Мне нужно полтора часа вашего времени... – тут Князев уловил чутким слухом нечто такое, что встревожило и рассердило его. Он вскочил с места и скорым шагом, почти бегом, устремился к двери. Открыл ее одной рукой и сказал громко: – Я прошу! Я очень пр-рошу!.. Не надо нам твоего чая, только не грохай, пожалуйста, и не психуй!

Из той комнаты ему что-то негромко ответили, на что Князев еще раз четко, отдельно, с некоторым отчаянием, но и зло сказал:

– Я очень тебя прошу! О-чень! – и захлопнул дверь. Вернулся к столу, взял опять тетради в обе руки и, недовольный, сказал: – Психуем.

Кайгородов во все глаза смотрел на необычного человека. Князев положил тетради на стол, а одну взял, раскрыл на коленях... Погладил рукой исписанные страницы. Рука его чуть дрожала.

– Государство, – начал он, но еще не читать начал, а так пока говорил, готовясь читать, – очень сложный организм, чтобы извлечь из него пользу, надо... он требует осмысления в целом. Не в такой, конечно, обстановке... – он показал глазами на дверь. – Но... тут уж ничего не сделаешь. Тут моя ошибка: не надо было жениться. Пожалел дуру... А себя не пожалел. Но это все – так, прелюдия. Вот тут и есть, собственно, осмысление государства, – Князев погладил опять страницы, кашлянул и стал читать: – «Глава первая: схема построения целесообразного государства. Государство – это многоэтажное здание, все этажи которого прозваниваются и сообщаются лестницей. Причем этажи постепенно сужаются, пока не останется наверху одна комната, где и помещается пульт управления. Смысл такого государства состоит в следующем...» Мобилизуйте вашу фантазию, и пойдем нанизывать явления, которые нельзя пощупать руками, – Князев поднял глаза от тетради, посмотрел на Кайгородова, счел нужным добавить еще: – Русский человек любит все потрогать руками – тогда он поймет, что к чему. Мыслить категориями он еще не привык. Вам смысл ясен, о чем я читаю?

Кайгородов засмотрелся в глаза Князева, не сразу ответил.

– Вам ясно?

– Ясно, – сказал Кайгородов.

– "Представим себе, – продолжал читать Князев, – это огромное здание – в разрезе. А население этажей – в виде фигур, поддерживающих этажи. Таким образом, все здание держится на фигурах. Для нарушения общей картины представим себе, что некоторые фигуры на каком-то этаже – "х" – уклонились от своих обязанностей, перестали поддерживать перекрытие: перекрытие прогнулось. Или же остальные фигуры, которые честно держат свой этаж, получают дополнительную нагрузку, закон справедливости нарушен. Нарушен также закон равновесия – на пульт управления летит сигнал тревоги. С пульта управления запрос: где провисло? Немедленно прозваниваются все этажи... Люди доброй воли плюс современная техника – установлено: провисло на этаже "у". С пульта управления..."

– Вы это серьезно все? – спросил Кайгородов.

– То есть? – не понял Князев.

– Вы серьезно этим занимаетесь?

Князев захлопнул тетрадь, положил ее на стопку других... Чуть подумал и спрятал все тетради в ящик стола. Встал и бесцветным, тусклым голосом сказал:

– До свиданья.

Кайгородову стало вдруг жалко князева, он почувствовал всю его беззащитность, беспомощность в этом железном мире.

– Слушай, – сказал он добро и участливо, – ну что ты дурака-то валяешь? Неужели тебе никто не говорил...

– Я понимаю, понимаю, – негромко перебил его Князев, – двигатель мотоцикла – это конкретно, предметно... Я понимаю. Центробежную силу тоже, в конце концов, можно... представить. Так ведь? Здесь – другое, – Князев, не оборачиваясь, тронул ящик стола. Смотрел на Кайгородова грустно и насмешливо. – До свиданья.

Кайгородов качнул головой, встал.

– Ну и ну, – сказал он. И пошел к выходу.

– Там не ударьтесь в сенях, – напомнил Князев. И голос его был такой обиженный, такая в нем чувствовалась боль и грусть, что Кайгородов невольно остановился.

– Пойдем ко мне? – предложил он. – У нас там буфет до двенадцати работает... Выпьем по маленькой.

Князев удивился, но грусть его не покинула, и из нее-то, из грусти, он еще хотел улыбнуться.

– Спасибо.

– А что? Пойдем! Что одному-то сидеть? Развеемся маленько, – Кайгородов сам не знал, что способен на такую жалость, он прямо растрогался. Шагнул к Князеву... – Брось ты обижаться – пойдем! А?

Князев внимательно посмотрел на него. Видно, он не часто встречал такое к себе участие. У него даже недоверие мелькнуло в глазах. И Кайгородов уловил это недоверие.

– Как тебя зовут-то? Ты не сказал...

– Николай Николаевич.

– Николай... Меня – Григорий. Микола, пойдем ко мне. Брось ты свое государство! Там без нас разберутся...

– Вот так мы и рассуждаем все. Но вы же даже не дослушали, в чем там дело у меня. Как же так можно? – у Князева родилась слабая надежда, что его хоть раз в жизни дослушают до конца, поймут. – Вы дослушайте... хотя бы главы две. А?

Кайгородов помолчал, глядя на Князева... Почувствовал, что жалость его к этому человеку стала слабеть.

– Да нет, чего же?... Зря ты все это, честное слово. Послушай доброго совета: не смейся людей. У тебя образование-то какое?

– Какое есть, все мое.

– Ну, до свиданья.

– До свиданья.

«Подосвиданькались» довольно жестко. Кайгородов ушел. А Князев сел к столу и задумался, глядя в стену. Долго сидел так, барабанил пальцами по столу... Развернулся на стуле к столу, достал из ящика тетради, раскрыл одну, недописанную, склонился и стал писать.

В дверь заглянула жена. Увидела, что муж опять пишет, сказала с тихой застарелой злостью:

– Ужинать.

– Я работаю, – тоже со злостью, привычной, постоянной, негромко ответил Николай Николаевич, не отрываясь от писания. – Закрой дверь.

2. «О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ»

Летом, в июле, Князев получил отпуск и поехал с семьей отдыхать в деревню. В деревне жили его тесть и теща, молчаливые жадные люди; Князев не любил их, но

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru больше деваться некуда, поэтому он ездил к ним. Но всякий раз предупреждал жену, что в деревне он тоже будет работать – будет писать. Жене его, Алевтине, очень хотелось летом в деревню, она не ругалась и не ехидничала.

– Пиши... Хотя запишись вообще.

– Вот так. Чтобы потом не было: «Опять за свое!» Чтобы этого не было.

– Пиши, пиши, – говорила Алевтина грустно. Она больно переживала эту неистребимую, несгораемую страсть мужа – писать, писать и писать, чтобы навести порядок в государстве, ненавидела его за это, стыдилась, умоляла – брось! ничего не помогало. Николай Николаевич сох над тетрадами, всюду с ними совался, ему говорили, что это глупость, бред, пытались отговорить... Много раз хотели отговорить, но все без толку.

У Князева в деревне были знакомые люди, и он, как приехали, пошел их навестить. И в первом же семействе встретил человека, которого и хотела постоянно встретить его неумная душа. Приехал в то семейство – тоже отдохнуть – некто Сильченко, тоже зять, тоже горожанин и тоже несколько ушибленный общими вопросами. И они сразу сцепились.

Это произошло так.

Князев в хорошем, мирном расположении духа прошелся по деревне, понаблюдал, как возвращаются с работы домой «колхозники-совхозники» (он так называл сельских людей), поздоровался с двумя-тремя... Все спешили, поэтому никто с ним не остановился, только один попросил прийти глянуть телевизор.

– Включишь – снег какой-то идет...

– Ладно, потом как-нибудь, – пообещал Князев.

И вот пришел он в то семейство, где был Сильченко. Он там знал старика, с которым они говорили. То есть говорил обычно Князев, а старик слушал, он умел слушать, даже любил слушать. Слушал, кивал головой, иногда только удивлялся:

– Ишь ты!.. – негромко говорил он. – Это серьезно. Старик как раз был в оgrade, и тот самый Сильченко тоже был в оgrade, налаживали удочки.

– А-а! – весело сказал старик. – Поудить нету желанья? А то мы вот налаживаемся с Юрьем Викторовичем.

– Не люблю, – сказал Князев. – Но посижу с вами на берегу.

– Рыбалку не любите? – спросил Сильченко, худощавый мужчина таких же примерно лет, что и Князев, – около сорока. – Чего так?

– Трата времени.

Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик – галстук, запонки с желтыми кружочками... Сказал снисходительно:

– Отдых есть отдых, не все ли равно, как тратить время.

– Существует активный отдых, – отбил Князев эту нелепую попытку учить его, – и пассивный. Активный предполагает вместе с отдыхом какое-нибудь целесообразное мероприятие.

– От этих мероприятий и так голова кругом идет, – посмеялся Сильченко.

– Я говорю не об «этих мероприятиях», а о целесообразных, – подчеркнул Князев. И посмотрел на Сильченко твердо и спокойно. – Улавливаете разницу?

Сильченке тоже не понравилось, что с ним поучительно разговаривают... Он тоже был человек с мыслями.

– Нет, не улавливаю, объяснитесь, сделайте милость.

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вы кто по профессии?

– Какое это имеет значение?

– Ну все же...

– Художник-гример.

Тут Князев вовсе осмелел; синие глаза его загорелись веселым насмешливым огнем; он стал нахально-снисходителен.

– Вы в курсе дела, как насыпаются могильные курганы? – спросил он. Чувствовалось удовольствие, с каким он подступает к изложению своих мыслей.

Сильченко никак не ждал этих курганов, он недоумевал.

– При чем здесь курганы?

– Вы видели когда-нибудь, как их насыпают?

– А вы видели?

– Ну, в кино-то видели же!

– Ну... допустим.

– Представление имеете. Я хочу, чтобы вы вызвали умственным взглядом эту картину: как насыпают курган. Идут люди, один за одним, каждый берет горсть земли и бросает. Сперва засыпается яма, потом начинает расти холм... Представили?

– Допустим.

Князев все больше воодушевлялся – это были дорогие минуты в его жизни: есть перед глазами слушатель, который хоть ерепенится, но внимает.

– Обрати тогда внимание вот на что: на несоответствие величины холма и горстки земли. Что же случилось? Ведь вот – горсть земли, – Князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. Что же случилось? Чудо? никаких чудес: накопление количества. Так создавались государства – от Урарту до современных суперсов. Понятно? Что может сделать слабая человеческая рука?.. – Князев огляделся, ему на глаза попалась удочка, он взял ее из рук старика и показал обоим. – Удочка. Вот тоже произведение рук человеческих – удочка. Верно? – он вернул удочку старику. – Это – когда один человек. Но когда они непрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли – образуется холм. Удочка – и холм, – Князев победно смотрел на Сильченко и на старика тоже, но больше на Сильченко. – Улавливаете?

– Не улавливаю, – сказал Сильченко вызывающе. Его эта победность Князева раздражала. – При чем здесь одно и при чем другое? Мы заговорили, как провести свободное время... Я высказал мысль, что чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо.

– Бред, галиматья, – сурово и весело сказал Князев. – Рассуждение на уровне каменного века. Как только вы начинаете так рассуждать, вы тем самым автоматически выходите из той непрерывной цепи человечества, которая идет и накапливает количество. Я же вам дал очень наглядный пример: как насыпается холм! – Князев хоть был возбужден, но был и терпелив. – Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?

– Чепуха какая-то. Вот уж действительно галиматья-то. Какой холм? Я вам говорю, вот я приехал отдохнуть... На природу. Мне нравится рыбачить... вот я и буду рыбачить. В чем дело?

– И я тоже приехал отдохнуть.

– Ну?..

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– что?

– Ну и что, холм, что ли, будете насыпать здесь?

Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло.

– То нам непонятно, когда мыслят категориями, то не устраивает... Такой уж наглядный пример! – самому князеву этот пример с холмом, как видно, очень нравился, он наскочил на него случайно и радовался ему, его простоте и разительной наглядности. – В чем смысл нашей жизни вообще? – спросил он прямо.

– Это – кому как, – уклонился Сильченко.

– Нет, нет, вы ответьте: в чем всеобщий смысл жизни? – Князев подождал ответа, но нетерпение уже целиком овладело им. – Во всеобщей же государственности. Процветает государство – процветаем и мы. Так? Так или не так?

Сильченко пожал плечами... Но согласился – пока, в ожидании, куда затем стрельнет мысль Князева.

– Ну, так...

– Так. Образно говоря опять же, мы все несем на своих плечах известный груз... Вот представьте себе, – еще больше заволновался князев от нового наглядного примера, – мы втроем – я, вы, дедушка – несем бревно. Несем – нам его нужно пронести сто метров. Мы пронесли пятьдесят метров, вдруг вы бросаете нести и отходите в сторону. И говорите: «У меня отпуск, я отдыхаю».

– Так что же, отпусков не нужно, что ли? – заволновался Сильченко. – Это же тоже бред сивой кобылы.

– В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревешко пронесем положенных сто метров и сбросим – тогда отдыхайте.

– Не понимаю, чего вы хотите сказать, – сердито заговорил Сильченко. – То холм, то бревно какое-то... Вы приехали отдыхать?

– Приехал отдыхать.

– Что же, значит, бросил бревно по дороге? Или как... по-вашему-то?

Князев некоторое время смотрел на Сильченко проникновенно и строго.

– Вы что, нарочно, что ли, не понимаете?

– Да я серьезно не понимаю! Глупость какая-то, бред!.. Бестолочь какая-то! – Сильченко чего-то нервничал и потому говорил много лишнего. – Ну полная же бестолочь!.. Ну, честное слово, ничего же понять нельзя. Ты понимаешь что-нибудь, дед?

Старик с интересом слушал эту умную перепалку. С вопросом его застали врасплох.

– А? – встрепенулся он.

– Ты понимаешь хоть что-нибудь, что этот... товарищ молотит здесь?

– Я слушаю, – сказал дед неопределенно.

– А я ничего не понимаю. Ни-чего не понимаю!

– Да вы спокойней, спокойней, – снисходительно и недобро посоветовал князев. – Успокойтесь. Зачем же нервничать-то?

– А зачем тут чепуху-то пороть?!

– Да ведь вы даже не вошли в суть дела, а уже – чепуха. Да почему же... Когда же мы научимся рассуждать-то логически!

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да вы сами-то...

– Раз не понял, значит, – чепуха, бред. Ве-ли-ко-леп-ная логика! Сколько же мы так отмахиваться-то будем!

– Хорошо, – взял себя в руки Сильченко. И даже присел на дедов верстак. – Ну-ка, ясно, просто, точно – что вы хотите сказать? Нормальным русским языком. Так?

– Вы где живете? – спросил Князев.

– В Томске.

– Нет, шире... В целом, – Князев широко показал руками.

– Не понимаю. Ну, не понимаю! – стал опять нервничать Сильченко. – В каком «в целом»? В чем это? Где?

– В государстве живете, – продолжал Князев. – В чем лежат ваши главные интересы? С чем они совпадают?

– Не знаю.

– С государственными интересами. Ваши интересы совпадают с государственными интересами. Сейчас я понятно говорю?

– Ну, ну, ну?

– В чем же тогда ваш смысл жизни?

– Ну, ну, ну?

– Да не «ну», а уже нужна черта: в чем смысл жизни каждого гражданина?

– Ну, в чем?.. Чтобы работать, быть честным, – стал перечислять Сильченко, – защищать Родину, когда потребуется...

Князев согласно кивал головой. Но ждал чего-то еще, а чего, Сильченко никак не мог опять уловить.

– Это все правильно, – сказал Князев. – Но это все – ответвления. В чем главный смысл? Где главный, так сказать, ствол?

– В чем?

– Я вас спрашиваю.

– А я не знаю. Ну, не знаю, что хошь делай! Ты просто дурак! Долбо... – и Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! – закричал он. – Чего?! Ты можешь прямо сказать? Или я тебя попру отсюда поленом!.. Дурак ты! Дубина!..

Князеву уже приходилось попадать на таких вот нервных. Он не испугался самого этого психопата, но испугался, что сейчас сбегутся люди, будут тарашить глаза, будут... Тьфу!

– Тихо, тихо, тихо, – сказал он, отступая назад. И грустно, и безнадежно смотрел на неврастеника-гримера. – Зачем же так? Зачем кричать-то?

– Чего вам от меня надо?! – все кричал Сильченко. – Чего?

Из дома на крыльцо вышли люди...

Князев повернулся и пошел вон из ограды.

Сильченко еще что-то кричал вслед ему.

Князев не оглядывался, шел скорым шагом, и в глазах его была грусть и боль.

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хамло, – сказал он негромко. – Ну и хамло же... Разинул пасть, – помолчал и еще проговорил горько: – Мы не пойдем – нам не треба. Мы лучше орать будем. Вот же хамло!

На другой день, поутру к Нехорошевым (тесть князева) пришел здешний председатель сельсовета. Старики Нехорошевы и князев с женой завтракали.

– Приятного аппетита, – сказал председатель. И посмотрел внимательно на князева.
– С приездом вас.

– Спасибо, – ответил князев. У него сжалось сердце от дурного предчувствия. – С нами... не желаете?

– Нет, я позавтракал, – председатель присел на лавку. И опять посмотрел на князева.

Князев окончательно понял: это по его душу. Вылез из-за стола и пошел на улицу. Через минуту-две за ним вышел и председатель.

– Слушаю, – сказал князев. И усмехнулся тоскливо.

– Что там у вас случилось-то? – спросил председатель. Один раз (в прошлом году, летом тоже) председатель уже разбирал нечто подобное. Тогда на князева тоже пожаловались, что он – «пропагандирует». – Опять мне чего-то там рассказывают...

– А что рассказывать-то?! – воскликнул князев. – Боже мой! Что там рассказывать-то! Хотел внушить товарищу... более ясное представление...

– Товарищ князев, – сухо, казенным голосом заговорил председатель, – мне это неловко делать, но я должен...

– Да что должен-то? Что я?.. Не понимаю, ей-богу, что я сделал? Хотел просто объяснить ему... а он заорал, как дурной. Я не знаю... Он нормальный, этот Сильченко?

– Товарищ князев...

– Ну, хорошо, хорошо. Хорошо! – князев нервно сплюнул. – Больше не буду черт с ними, как хотят, так и пусть живут. Но, боже ж мой!.. – опять изумился он. – Что я такого ему сказал?! Наводил на мысль, чтобы он отчетливее понимал свои задачи в жизни!.. Что тут такого?

– Человек отдыхать приехал... Зачем его тревожить. Не надо. Не надо, товарищ князев, прошу вас.

– Хорошо, хорошо. Пусть, как хотят... Ведь он же гример!

– Ну.

– Я хотел его подвести к мысли, чтобы он выступил в клубе, рассказал про свою работу...

– Зачем?

– Да интересно же! Я бы сам с удовольствием послушал. Он же, наверно, артистов гримирует... Про артистов бы рассказал.

– А при чем тут... жизненные задачи?

– Он бы сделал полезное дело! Я с того и начал вчера: идет вереница людей, каждый берет горсть земли и бросает – образуется холм. Холм тире целесообразное государство. Если допустим, что смысл жизни каждого гражданина в том, чтобы, образно говоря...

– Товарищ князев, – перебил председатель, – мне сейчас некогда: у меня в девять совещание... Я как-нибудь вас с удовольствием послушаю. Но еще раз хочу попросить...

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Хорошо, хорошо, – торопливо, грустно сказал князев. – Идите на совещание. До свиданья. Я не нуждаюсь в вашем слушанье.

Председатель удивился, но ничего не сказал, пошел на совещание.

Князев глядел вслед ему... И проговорил негромко, как он имел привычку говорить про себя:

– Он с удовольствием послушает! Обрадовал... Иди заседай! Штаны протрете на ваших заседаниях, заседатели. Одолжение он сделает – послушает...

3. «О ПРОБЛЕМЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ»

Как-то Николай Николаевич князев был в областном центре по делам своей телевизионной мастерской. И случился у него там свободный день – с утра и до позднего вечера, до поезда. Князев подумал-подумал – куда бы пойти? И пошел в зоопарк. Ему давно хотелось посмотреть удава.

Удава в зоопарке не было. Князев походил по звериному городку, постоял около льва... Потом услышал звонкие детские голоса и пошел в ту сторону. На большой площадке, огороженной проволочной сеткой, катались на пони. А около сетки толпилось много людей. Катались в основном детишки. Визг, восторги!.. Князев тоже остановился и стал смотреть. Ничего особенного, а смотреть, правда, интересно. Перед князевым стояла какая-то шляпа и тоже выказывала большой интерес к езде на пони.

– Во, во, что делают! – говорил негромко мужчина в шляпе. – Радости-то, радости-то!

Князева подмывало сказать, что это-то и хорошо, и славно: и радость людям, и государству польза: взрослый билет – 20 копеек, детский – 10 копеек. Это как раз пример того, как можно разумно организовать отдых. Кому, скажите, жалко истратить 30 копеек на себя и на ребенка! А радости, действительно, сколько! Князеву даже жалко стало, что с ним нет его ребятшек.

– Да ведь... это – прощаются! – все говорил мужчина в шляпе. Он ни к кому не обращался, себе говорил. – Как, скажи, в кругосветное путешествие уезжают!

– Психологически – это для них кругосветное путешествие, – сказал князев.

Мужчина в шляпе оглянулся... И князева обдало сивушным духом. Мужчина молодой и очень приветливый.

– Да? Радости-то сколько!

– Да, да, – неохотно сказал князев. И отошел от шляпы. Он физически не переносил пьяных, его тошнило.

Он еще немного посмотрел, как бегут запряженные пони, как радуются дети... Потом посмотрел птиц, потом обезьянок... Один дурак-обезьян (мужского пола) начал ни с того ни с сего делать нечто непотребное. Женщины застыдились и не знали, куда смотреть, а мужчины смеялись и смотрели на обезьяна. Князев похихикал тоже, украдкой поглядел на женщин и пошел из зоопарка – надоело.

Возле зоопарка, на углу, было кафе, и князев зашел перекусить.

Он взял кофе с молоком, булочку и ел, стоя возле высокого мраморного столика. Думал о людях и обезьянах: в том смысле, что – неужели люди произошли от обезьян?

– Тут свободно? – спросили князева.

Князев поднял голову – стоит с подносом тот самый молодой человек, который давеча так живо интересовался детской ездой на пони.

– Свободно, – сказал князев. Ничего больше не оставалось – столик, и правда, свободный.

Молодой человек расставил на столике стаканы с кофе, тарелочки с блинчиками,

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тарелочку с хлебом, тарелочку с холодцом... Отнес поднос, вернулся и стал значительно и приветливо смотреть на Князева.

– Примешь?.. – спросил он. – Полстакашка.

Князев энергично закрутил головой:

– Нет, нет.

– Чего? – удивился молодой человек, доставая из внутреннего кармана нового пиджака бутылку, при этом облокотился на столик, набулькал в стакан, заткнул бутылку и опустил ее опять в карман. – Не пьешь?

– Не пью, – недружелюбно ответил Князев.

Молодой человек осадил стакан, шумно выдохнул и принялся закусывать.

– Вот и решена проблема свободного времени, – не без иронии сказал Князев, имея в виду бутылку.

– М-м? – не понял молодой человек.

– Все, оказывается, просто?

– Чего просто?

– Ну, с проблемой свободного времени-то.

Молодой человек жевал, но внимательно слушал Князева.

– Какого свободного времени?

– Ну, шумят, спорят... А тут, – Князев показал глазами на оттопыренную полу пиджака, – полная ясность.

Молодой человек был приветлив и на редкость терпелив. Он не понимал, о чем говорит Князев, но нетерпения или раздражения какого-нибудь не выказал. Он с удовольствием ел и смотрел на Князева. Больше того, ему было приятно, что с ним говорят, и он напрягался, чтобы понять, о чем говорят, – хотелось тоже поддержать разговор.

– Кто спорит? – терпеливо и вежливо спросил он.

Князев жалел уже, что заговорил.

– Ну, спорят: как проводить свободное время. А вам вот... все совершенно ясно.

Молодой человек и теперь не понял, но согласно кивнул головой. И сказал:

– Да, да.

– Зверей смотрели? – спросил Князев.

– А шел мимо – зайти, что ли, думаю? Пацаном был, помню... А ведь... это – дорого их держать-то? Это ж сколько он сожрет за сутки!

– Кто?

– Слон, хотя бы.

Князев пожал плечами:

– Черт его знает.

– Но, если б не было выгоды, их не держали бы, – тут же и заметил молодой человек. – Выгода, конечно, есть. Верно же?

Князев обиделся за государство: намекнули, что государство только и делает, что

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
преследует голую выгоду.

– Верно... Но вы пропустили познавательный процесс. Не все же идут – от нечего делать: идут – познать что-либо для себя.

– Ну-у уж!.. – неопределенно сказал молодой человек. Прожевал, проглотил и dokonчил: – Чего тут познавать-то? Слона, что ли? Дерьма-то, – он огляделся, опять облокотился на стол и занялся бутылкой.

Князева обозлила спокойная уверенность, налаженность, с какой этот молодой дурак проделывал свою подлую операцию: булькал из бутылки в стакан.

– Сейчас пойду и заявлю, – сказал Князев.

Молодой человек так изумился, что даже рот приоткрыл. Он изумился, но и готов был улыбнуться – так это не походило на правду, это заявление Князева.

– Что? – спросил Князев. – Удивительно? А надо бы.

Молодой человек уловил серьезную злость в голосе Князева и поверил, что, – наверно, правда: человек готов на него донести. Он сам тоже обозлился... Но не знал пока, как поступить. Он долго и внимательно смотрел на Князева.

– Что? – опять спросил Князев.

– Ничего, – значительно сказал молодой человек. Красивое смуглое лицо его уже не было ни приветливым, ни добродушным.

Князев поскорей доел булочку, пошел из кафе. Молодой человек проводил его взглядом до самого выхода.

– Скоты, – вслух сказал Князев, выйдя из кафе. – В зоопарк, видите ли, поперся! Сиди уж у бочки где-нибудь... нагружайся.

Князев хотел перейти улицу, но машинам загорелся зеленый свет; Князев стоял на краю тротуара и тихо негодовал на пьянчуг. Потом машинам дали передохнуть. Князев вместе со всеми перешел улицу и пошел себе не спеша по той стороне улицы – просто так, от нечего делать: до поезда было еще долго. Он постепенно забыл про пьянчуг, наладился было думать про город в целом, как его кто-то тронул сзади за плечо... Князев остановился и оглянулся: стоит перед ним опять этот, в шляпе... Смотрит.

– Что такое?! – резко сказал Князев. Он испугался.

– Хотел спросить... – мирно заговорил молодой человек. – Я давеча не понял: ты правда, что ли?..

– Что «правда»?

– Заложить-то хотел.

Князев несколько помолчал...

– Ничего я не хотел... Но внушить кое-что надо бы! – вдруг осмелел он. И посмотрел прямо в глаза выпивохе. Тот, кстати, не так уж и пьян-то был, только глаза блестели и – разило.

– Ну-ка? – согласился молодой человек.

Князев оглянулся... Стояли они недалеко от скверика, где были скамейки. Он направился туда, молодой человек – за ним.

Сели на скамейку.

– Видите ли, в чем дело, – заговорил Князев серьезно, – я ничего в принципе не имею против того, что люди выпивают. Но существует разумная организация людей, в целом эта организация называется – государство. И вот представьте себе, что все в государстве начнут выпивать...

– Я же не на работе, – возразил молодой человек тоже серьезно. – Я – в свой выходной.

– Во-от! – поймал его князев на слове. Он все больше увлекался. – Вот об этом и стоит поговорить. Выходной день... Что это такое? Допустим, мы возводим с вами некоторую... Допустим, что мы монтируем какую-то стальную конструкцию...

– Я электрик.

– Прекрасно! Представьте, мы ведем где-то очень сложную сеть. Выходной день – мы напились. Протрезвились, отработали неделю – опять напились...

– Что я, алкаш, что ли?

– Я хочу сказать: нам государство предоставляет выходной день... даже два теперь – для чего?

Молодой человек молчал. Смотрел на князева.

– Для того, – продолжал князев, – чтобы мы, во-первых, отдохнули, во-вторых, – не отстали в своем развитии. Вот вы: получили выходной день и не знаете, что с ним делать. Шел мимо зоопарка: «Зайти, что ли?» Ну, а если бы мимо... не знаю, мимо аптеки шел: «Зайти, что ли, касторки взять?» Так, что ли?

Молодой человек стиснул зубы и продолжал смотреть на князева. Князев не заметил, что он стиснул зубы. Ему смешно стало от этой «касторки». Он посмеялся и уже добродушнее продолжал:

– Нельзя же... таким деревом-то плыть по реке: куда прибьет, туда и ладно. Человек получает свободное время, чтобы познать что-нибудь полезное для себя. Нужно. И чем выше его умственный уровень, тем он умнее как работник. Ну что же: так мы и будем веками дуть эту сивуху? – князев посмотрел на молодого человека, но опять не обратил внимания, как тот изменился. – Хватит уж, хватит, мил человек, хватит ее дуть-то, пора и честь знать. Государство ускоряет ритм, это давно уже не телега, это уже – лайнер! А мы – за этим лайнером-то – все пешком, пешком... Все наклоняемся да в стакан булькаем. Тьфу! О каком же движении тут можно говорить! Куда же мы на этот лайнер – с красными-то глазами? Блевать там?..

– Сука, – с дрожью в голосе, негромко сказал молодой человек, – карьеру на мне хочешь состроить, – и он наклонился к князеву, как давеча наклонялся к столику...

Князев сперва не понял, что он хочет сделать. И когда уже получил первый толчок в бок, то и тогда не понял еще, что его бьют. Понял это, когда получил еще пару тычков в бок и в живот, и довольно болезных. Но не пугали его и эти тычки, а испугали близкие, злые, какие-то даже безумные глаза молодого человека.

– Ты!.. – взволновался князев и хотел вскочить. Но этот, в шляпе, держал его за полу, а другой рукой насаживал в бок, насаживал успевал. И как-то у него это получалось не широко, не шумно, со стороны едва ли заметно.

– А-а!.. – закричал князев. Вырвался, вскочил и тяжелым своим портфелем, где лежали некоторые детали телевизора, наверху по шляпе. – Сюда, люди! Ко мне!.. – кричал он. И второй раз наверху по шляпе.

Молодой человек вскочил тоже и откровенно загвоздил князеву в челюсть. Князев полетел с ног. Но когда летел, слышал, что уже к ним бегут.

...Потом в милиции выясняли их личности. Князев все порывался рассказать, как было дело, но дежурный офицер останавливал: он пока записывал.

– Где работаете? – спрашивал он молодого человека.

– В рембытконторе, – отвечал тот и успевал тоже сказать: – Он на меня начал говорить, что я блюю где попало...

– Подождите вы! – строго говорил дежурный. – Кем?

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– я про тебя, что ли, говорил?! – накинулся Князев на своего врага.

– Про кого же? Про Пушкина?

– Дурак! Я развивал общую мысль о проблеме...

– Да тихо! – приказал дежурный. – Можете вы помолчать?! Кем работаешь?

– Электриком.

– Дубина, – сказал Князев, потирая челюсть. – Тебе не электриком, а золотарем надо... В две смены. Гад подколодный! Руки еще распускает...

– А вы? – перешел к нему дежурный.

...Князева отпустили, но он заплатил штраф пятнадцать рублей. Он не стал возмущаться, потому что этого, в шляпе, при нем прямо повели куда-то по коридору – сажать, как понял Князев. Он даже сказал дежурному «до свиданья». И пошел на вокзал.

И тихо прождал на вокзале все долгое время до поезда. Ни с кем не заговаривал, а только сидел на скамейке в зале ожидания и смотрел, и смотрел на людей, как они слоняются туда-сюда по залу. Челюсть болела, Князев время от времени трогал ее и качал головой. И шептал:

– Сволота... Руки, видите ли, начал распускать! Гад какой.

4. КОНЕЦ МЫСЛЯМ

Ну, может, не конец еще, но какой-то срыв целеустремленной души – тут налицо.

Вот что случилось.

Князев закончил свой труд: мысли о государстве. Он давно понял, что здесь, в райгородке своем, он не найдет никого, кто оценил бы его большую сложную работу. Опять будут недоумевать, говорить, что «Вы знаете, товарищ Князев...» О, недоумки! Всю жизнь стоят, упершись лбами в стенку, а полагают, что идут проспектом. Что тут сделаешь?!

Князев собрал тетради (восемь общих тетрадей) и пошел на почту – отсылать в Центр. Получалось что-то вроде посылочки, что ли: Князев не знал, как это делается, склонился к окошечку узнать, что надо сделать – посылочку, что ли?

За окошечком сидела знакомая женщина, подруга его жены. Князев часто видел ее у себя дома, он поэтому вежливо поздоровался и стал объяснять, что – вот, восемь общих тетрадей, их надо послать... Пока он так объяснял, он невольно обратил внимание: женщина смотрит на него, но соображает что-то свое, далекое от тетрадей, – от того, как их послать. И еще он уловил в ее глазах то противное жалостливое участие, вполне искреннее, но какое особенно бесило Князева – опять он на него наткнулся. И именно теперь, когда труд закончен, когда позади бессонные ночи, волнения... Даже и теперь эта курица сидит и смотрит жалостливо. Но и еще стерпел бы Князев, еще раз проглотил бы обиду, не заговори она, эта... Нет, она открыла рот и заговорила!

– Николай Николаевич, дорогой... давайте подождем с посылкой? Конечно, не мое это дело, но, тем не менее, послушайте доброго совета: подождите. Ведь всегда успеете, а может быть, раздумаете... А?

Князев помнил потом, что было такое ощущение, точно его стали вдруг поднимать куда-то вверх. Но не просто поднимают, а хотят вроде перевернуть вниз головой и поддержать за ноги. Все взорвалось в Князеве злым протестом, все вскипело волной гнева. Он закричал неприлично:

– Дура! Дура ты пучеглазая!.. Что ты сидишь квакаешь?! Что? Ты хоть слово «государство» напишешь правильно? Ведь ты же напишешь «гасударство»!

– Не смейте так орать! – тоже закричала женщина. – Сергей Николаич! А, Сергей Николаич!..

– Сергей Николаич! – подхватил и Князев ее зов. – Идите-ка суда – вместе глаза выпучим: тут чявой-то про государство! Идите, Сергей Николаич!..

Сергей Николаич и вправду появился из двери в глубине...

И стремительно пошел к Князеву.

– Что? что это тут?!

– Тут чявой-то про государство, – мстительным злорадным чувством говорил Князев.
– Разберись, Сергей Николаич: может, в твоей тыкве хоть полторы извилины есть...

Все, кто был на почте, с удивлением смотрели на Князева. А Сергей Николаич вышел из-за перегородки и приближался к Князеву. Вид у Сергея Николаича – в пору вязать кого-нибудь.

– В чем дело?

– В шляпе, – Князев хотел собрать свои тетради, но Сергей Николаич крепко положил на них ладонь.

– Прочь! – крикнул Князев. И хотел отбросить наглуую руку. Но не смог отбросить.
– Прр-очь! – закричал тогда Князев громче прежнего и толкнул Сергея Николаича в грудь. – Прр-очь, хамло!..

Сергей Николаич сгреб его спереди за руки и сильно сдавил.

– Ну-ка, кто-нибудь помогите! – позвал он. – Он же пьян!

Охотники тут же нашлись. Подбежали, завели Князеву руки за спину и держали. И странно, в этом именно положении Князев заговорил более осмысленно, более подробно.

– Ура!.. – воскликнул он. – Наша взяла! Ну, вяжите. Вяжите... Эх, лягушатинка! Нет, я не пьян, этот номер у вас не пройдет... Я позволил себе записать некоторые мысли – и нечаянно уронил камень в ваше болото. Какое кваканье поднялось, боже мой! Я вас не задел по голове, Сергей Николаич? Вы тут – главная лягушка. Жаба! Все знает – знает, как связать человека. Курица ты дохлая, остолоп!

– Поговори, поговори, – спокойно молвил Сергей Николаич, связывая ремнем руки Князева. – Покричи. Вконец свихнулся?

– Кретины, – говорил Князев. – Полудурки. И ведь нравится – вот ситуация-то – нравится быть полудурками! – Хотя ты лоб тут разбей – нравится им быть полудурками, и все.

Князева подтолкнули вперед... Вывели на улицу и пошли с ним в отделение милиции. Сзади несли его тетради. Прохожие останавливались и глазели. А Князев... Князев вышагнул из круга – орал громко и вольно. И испытывал некое сладостное чувство, что кричит людям всю горькую правду про них. Редкое чувство, сладкое чувство, дорогое чувство.

– Пугачева ведут! – кричал он. – Не видели Пугачева? Вот он – в шляпе, в галстукел!.. – Князев смеялся. – А сзади несут чявой-то про государство. Удивительно, да? Вот же еще: мы всю жизнь лаптем шти хлебаем, а он там чявой-то про государство! Какой еще! Ишь чяво захотел!.. Мы-то не пишем же! Да?! Мы те попишем! Мы те подумаем!.. Да здравствуют полудурки!

Хорошо еще, что отделение милиции было рядом, а то бы Князев накричал много всякого.

В отделении он как-то стих, устал, что ли, на вопросы отвечал односложно, нисколько не пугался, а только морщился и хотел скорей уйти домой.

– Ну, шумел, шумел... Я же не пьяный. Я непьющий. Оскорбил я кого-нибудь?

Когда ему стали перечислять, как он оскорбил всех, он опять сморщился и сказал

тихо:

– У меня голова болит. Ну, отвезите в больницу, отвезите. Что полудурками-то назвал? А кто же они?

С Князевым не знали, что делать. Посадили пока в камеру и вызвали из больницы врача.

Врач пришел, побыл с Князевым минут десять, вышел и сказал:

– Совершенно нормальный человек. А что?

– Да кинулся оскорблять всех, – стали объяснять врачу. – Всех подряд обзывать начал...

– Ну, это уж... что-то другое. Он в здравом уме, вполне нормальный.

Начальник лично знал Князева. Вызвал его опять в кабинет, закрыл дверь.

– Что случилось-то, Князев?

– Да ну их к черту! – устало сказал Князев. – Взорвался просто... Глупость человеческую не мог больше вынести. Я ей одно, она мне: «Давайте пока не посылать – давайте подумаем». Она подумает!.. Курица.

– Ну, а оскорблять-то зачем было?

– Да она меня хуже оскорбила! Она же меня за идиота считает! Ведь она же ни строчки тут не прочитала, – тетради лежали у начальника на столе, – а судит! И я знаю, откуда: жена ей наговорила... Она к жене моей ходит, та ей и... охарактеризовала всю работу – что глупость, мол, бред, пустая трата... и прочее.

– А что тут вообще-то?

– Мысли о государстве. Семь лет писал.

Начальник поглядел на стопку тетрадей... Потом на Князева. И опять это проклятое удивление, изумление...

Князев поморщился.

– Только ничего не надо сейчас... Не надо.

– Оставь мне, я посмотрю.

– Посмотрите, – Князев встал. – Можно идти, что ли?

– Можно-то можно... Надо потом извиниться перед почтовскими. Надо, Князев, – начальник строго глядел на Князева. – Надо, как думаешь?

– Ладно, – сказал Князев. – Извинюсь. – Ему очень хотелось домой. Пустота была в голове оглушительная. Пусто и плохо было. Хотелось покоя. – Я извинюсь.

– Хорошо. Иди. Это я потом отдам, – начальник положил руку на тетради.

Князев пошел к двери, но на пороге остановился, оглянулся и сказал:

– Там – восемь тетрадей.

Начальник пробежал глазами стопку.

– Так... И что?

– Чтобы не случилось чего. Там восемь?

– Восемь.

– Чтобы не затерялись где-нибудь.

– Все будут в сохранности.

– Ведь тут... – Князев отшагнул от двери и показал пальцем на стопку тетрадей, – тут, может быть... – Но опять сморщился в каком-то бессильном отчаянии, махнул рукой и ушел.

Начальник взял одну тетрадь, раскрыл...

Раскрыл как раз первую тетрадь. Она так и поименована:

«ТЕТРАДЬ № 1»

Дальше было вступление, которое имело заглавие:

«КОРОТКО ОБ АВТОРЕ»

И следовала краткая «Опись жизни» Н.Н. Князева, сделанная им самим.

«Я родился в бедной крестьянской семье девятым по счету. Само собой, ни о каком образовании не могло быть речи. Воспитания тоже никакого. Нас воспитывал труд, а также улица и природа. И если я все-таки пробил эти пласты жизни над моей головой, то я это сделал сам. Проблески философского сознания наблюдались у меня с самого детства. Бывало, если бригадир наорет на меня, то я, спустя некоторое время, вдруг задумаюсь: „А почему он на меня орет?“ Мой разум еще не смог ответить на подобные вопросы, но он упорно толкался в закрытые двери. Когда я научился читать, я много читал, хотя наживал через это массу неприятностей себе. Отец, не одобряя мою страсть, заставлял больше работать. Но я все же урывал время и читал. Я читал все подряд, и чем больше читал, тем больше открывались двери, сильнее меня охватывало беспокойство. Я оглядывался вокруг себя и думал: „Сколько всего наворочено! А порядка нет“. Так постепенно я весь проникся мыслями о государстве. Я с грустью и удивлением стал понимать, что мы живем каждый всяк по себе – никому нет дела до интересов государства, а если кто кричит об интересах, тот притворяется. Все равно ему свое дороже, но он хочет выглядеть передовым и, тем самым, побольше урвать. Я видел, как разбазаривают государство: каждый старается на своем месте. „И тем не менее, – думал я, – государство еще все же живет. Чем же оно живет? – продолжал я размышлять. И пришел к такому выводу: – Структурой“. Структура государства такова, что даже при нашем минимуме, который мы ему отдаем, оно еще в состоянии всячески себя укреплять. А что было бы, если бы мы, как муравьи, несли максимум государству! Вы только вдумайтесь: никто не ворует, не пьет, не лодырничает – каждый на своем месте кладет свой кирпичик в это грандиозное здание... Когда я вдумался во все это, окинул мысленно наши просторы, у меня захватило дух. „Боже мой, – подумал я, – что же мы делаем! Ведь мы могли бы, например, асфальтировать весь земной шар! Прорыть метро до Владивостока! Построить лестницу до луны!“ Я здесь утрирую, но я это делаю нарочно, чтобы подчеркнуть масштабность своей мысли. Я понял, что одна глобальная мысль о государстве должна подчинять себе все конкретные мысли, касающиеся нашего быта и поведения. И я, разумеется, стал писать. Я не могу иначе. Иначе у меня лопнет голова от напряжения, если я не дам выход мыслям».

Начальник прочитал вступление и задумался. Потом отложил все тетради в сторону – решил взять их домой и почитать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Штрихи к портрету. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!